

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 124–144
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 124–144
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-124–144

ГРАЖДАНЕ ПОЛИСОВ, ПОДДАННЫЕ И СОЮЗНИКИ ЦАРЕЙ: ЗАМЕТКИ О МАКЕДОНИИ ВРЕМЕНИ АНТИГОНИДОВ И ИХ ДЕРЖАВЕ

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
Россия*

E-mail: yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1560-2245

Аннотация. В статье анализируется характер державы Антигонидов (с конца 270-х гг. до н.э. по 168 г. до н.э.) и статус в ней «македонян» (граждан македонских полисов и других территориально-административных структур в собственно Македонском царстве), граждан фессалийских городов, бывших частью Македонской державы, граждан греческих полисов, имевших «союзный» статус, в разное время включенных в державу Антигонидов (Коринф, Афины, Халкида, Эретрия, Кавн и др.). Также проанализированы декреты ряда македонских и союзных Антигонидам полисов по поводу асии (священной неприкосновенности) нескольких святилищ (Асклепийона на Косе, храма Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре и др.); они могут свидетельствовать о восприятии данных полисов извне как субъектов межгосударственных отношений в религиозно-культурной сфере. Также затронут и ряд более частных сюжетов.

Ключевые слова: Македония, держава Антигонидов, Фессалия, Коринф, Афины, Эвбея, Кария, граждане, подданные, асия

Памяти Андрея Ивановича Попова

В хронологическом плане данная работа посвящена столетнему периоду истории династии Антигонидов от ее окончательного утверждения в Македонии при Антигоне II Гонате (283–239 гг.¹) в 270-х гг. и до царствования последнего Антигониды Персея (179–168 гг.).

Данные об авторе: Юрий Николаевич Кузьмин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00099 («Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в постклассическое время: правовые основы, практики, дискурсы»).

¹ Здесь и далее все даты – до н.э.

До поражения во второй войне с Римом (200–197 гг.) Антигониды правили державой, которая в периоды расширений (при Антигоне II, Антигоне III и в первой половине царствования Филиппа V) простиралась от Адриатики до Карики. Македония была лишь ее центром. Даже после 197 г. и утраты большей части владений вне Македонии два последних Антигониды, Филипп V и Персей, сохраняли контроль над Пеонией, некоторыми фракийскими и фессалийскими территориями (см. далее). В настоящее время очевидно, что держава Антигонидов времени их правления в Македонии имела больше черт, сближавших ее с «классической моделью» эллинистической державы, чем это допускалось прежде.

С 224 г. Антигониды возглавляли Эллинский союз – симмахию, объединявшую в течение четверти века немалую часть государств Балканской Греции². В состав союза входили как независимые государства (федерации ахейцев, беотийцев, акарнанов, фокидян, эпиротов), так и македоняне с фессалийцами.

МАКЕДОНИЯ

Македонское государство эллинистической эпохи образовывали два элемента – монархия и «македоняне» («этнос македонян»). При этом политическое доминирование царей было несомненным. Македоняне были подданными монархов, но при этом и гражданами полисов или других структур, являвшихся частью «этноса македонян». Это отражено в происходящих не из Македонии эпиграфических источниках: когда рядом с именем указываются этникон «македонянин» (Μακεδών), а также полисоним и/или локальный этникон (например, «Филарх, сын Гелланиона, македонянин-элимиот из Пифия»³; «Клеохар, сын Пифея, македонянин из Амфиполя»⁴).

«Македония» являлась т.н. «национальной» территорией – согласно терминологии М. Хадзопулоса⁵, центром державы Антигонидов. Македонские земли делились на то, что можно назвать царским доменом (χώρα βασιλική), и территории полисов, объединений городов или сельских поселений, а также этносов.

Земли, не входившие в χώρα βασιλική, образовывали четыре больших военно-административных округа, к которым, как это теперь очевидно, восходили т.н. «части» (μερίδες) – «республики», на которые римляне поделили Македонское царство в 167 г.⁶ К первому «округу» относились территории восточнее р. Стримон (его центром был Амфиполь); второму – земли между Стримоном и Аксием (центр – Фессалоника); третьему – территории Боттии и Пиерии от Аксия до Пенея (центр – Пелла); четвертому – т.н. Верхняя Македония (центром была, видимо, Гераклея в Линкестиде). Четвертый округ, скорее всего, так и именовался «Верхняя Македония»; третий – «Боттия»; второй – «Амфакситида»; название первого неизвестно (имеются эмиссии, явно относящиеся ко времени последних Антигонидов, от имени «македонян первой части» – «Μακεδόνων πρώτης μερίδος»⁷).

² Об устройстве Эллинского союза см. Scherberich 2009, 177–194.

³ FD III 4 417III, сткк. 14–15: ... Φιλάρχῳ Ἑλληνίῳ Μακεδόνι Ἐ[λ]ειμιώτ[η] ἐκ Πυθείου.

⁴ Knoepfler, Décrets érétriens 10, сткк. 2–3: ... Κλεοχάρης Πυθείου Μακεδὼν ἐξ Ἀμφιπόλεως.

⁵ См. подробнее: Hatzopoulos 1995, 164–177.

⁶ Hatzopoulos 1996 I, 231–260. Критика П. Жюэлем концепции о делении Македонского царства на округа (Juhel 2011, 579–612) не является убедительной (ср. Hatzopoulos 2020, 119–121).

⁷ Kremydi 2018, 284–285.

Во главе округов, а также некоторых меньших административных единиц стояли стратеги, назначавшиеся царями⁸. Одним из стратегов Ботии при последних Антигонидях мог быть Гиппократ, сын Никократа, при котором в Берое был принят закон о гимнасиархе (ЕКМ I [= I. Beroia] 1).

На восточном направлении «национальная» македонская территория включала земли за р. Стримон, но Филиппы, основанные на фракийских землях Филиппом II, которые обычно считают македонским городом, могли находиться за ее пределами и иметь что-то вроде «союзного» статуса в отношениях с Антигонидями. Показательно, что нет ни одного примера, когда в источниках гражданин Филипп именуется «македонянином»⁹.

Македонские города в царстве Антигонидов имели различное происхождение, исторические и политические традиции. Среди них были: старые города Нижней Македонии (Боттии и Пиерии), изначальных владений царей из династии Аргеадов-Теменидов (Эги, Бероя, Миеза, Эдесса и др.); бывшие греческие колонии, завоеванные македонскими монархами (Мефона, Амфиполь и др.) и иные поселения (Пелла); а также города, основанные царями (самые важные из них – это Фессалоника и Кассандрия). Города преобладали в Нижней Македонии и на т.н. «новых землях», территориях восточнее р. Аксий. В Верхней Македонии доминировали этносы, хотя важными городами были Гераклея в Линкестиде и Эана в Элимее.

В эпиграфических источниках македонские города эллинистического времени обозначаются как полисы (*πόλεις* – например: IG XII 4 1 220I–III–221AI), их гражданские коллективы как политевмы (*πολιτεύματα* – SEG XLIX 722, стк. 11; 855, сткк. 21–22), а жители – как политы-граждане (*πολίται* – SEG XLVIII 785). Города имели собственное гражданство, своды законов и органы власти. В них функционировали народные собрания, советы, а также различные магистраты (эпистаты, архонты, жрецы-эпонимы, стратеги, номофилаки, казначеи). Случаи вмешательства в дела ряда полисов со стороны царей засвидетельствованы, но они явно не были постоянной практикой. Будучи частями монархического государства, македонские города не могли проводить внешнюю политику, которая являлась прерогативой царского двора.

В Пелле, Эгах, а также в Деметриаде в Магнесии – трех «столицах» Антигонидов, являвшихся автономными полисами, находились царские дворцы, хотя резиденции, использовавшиеся царями, несомненно, были и в некоторых других важных городах (среди них Фессалоника и Амфиполь)¹⁰.

Согласно эпиграфическим данным, гражданские коллективы македонских полисов подразделялись на филы, а также имущественные классы (цензовые детали неизвестны, но более обеспеченные подданные македонских царей зачислялись в элитные части армии – корпус пельгастов и агему, а также в отряд гипаспистов)¹¹. Юноши готовились к гражданской жизни и военной службе проходя эфебию и посещая гимнасии. Наиболее важными источниками об этом аспекте истории ма-

⁸ Ср. Hatzopoulos 2020, 120.

⁹ См. подробнее: Hatzopoulos 2016a, 106–112.

¹⁰ О дворцах македонских царей см. Ferrara 2020.

¹¹ Hatzopoulos 2001, 56–73, 103–107.

кедонского общества являются законы об обязанностях гимнасиарха из Берои¹² и эфебарха из Амфиполя¹³, которые, судя по всему, относятся ко времени последних Антигонидов¹⁴.

Благодаря надписям из Драмы (регион Амфиполя) и Неа Потидеи (Кассандрии) времени царствований Филиппа V или его преемника Персея, сохранивших идентичные тексты установлений с подробным описанием процедуры набора в армию Антигонидов (Hatzopoulos 2001, № 2 I–II = SEG XLIX 722, 855), известен социальный аспект македонской военной организации эллинистического времени. В этих надписях фигурирует ранее не встречавшийся термин *πυρόκαυστις*, который можно перевести как «очаг» или «костер». В ряде случаев *πυρόκαυστις*, видимо, аналогичен *οἰκία* (семья, дом) и должен пониматься как административная мобилизационная единица, выставлявшая одного воина (призыв проводился на основе числа мужчин в семье и их возраста)¹⁵.

Имеется мнение о том, что в Македонии женщины имели более высокий социальный и правовой статус, в сравнении с супругами граждан греческих полисов¹⁶. В одной из надписей эллинистической эпохи из Дия сохранился список имен 68 граждан, который был выполнен в разное время несколькими резчиками (SEG L 589). В нем присутствует раздел с именами вдов (*χῆραι πολίτιδες*), которые, согласно точке зрения М. Хадзопулоса (BE 2002 254), считались главами семей.

Очевидно, что «македонянин», бывший царским подданным и гражданином родного полиса или этноса, не имел подобного «гражданского» статуса в других частях Македонии. В надписи, происходящей из Эордеи (или Элимеи) в Верхней Македонии, относящейся к концу 180-х гг. (EAM 87), говорится о том, что по решению Филиппа V группа воинов из Эвии получила земельный участок, который ранее принадлежал некоему Коррагу, сыну Пердикки, «бывшему одним из метеков в Грее» (... τὸν ἐν Γρήσι μετοίκων).

Остается под вопросом, где являлся метеком Корраг – в Грее, если буквально понимать надпись (по другим источникам это место неизвестно; есть сомнения, что оно имело статус полиса), Эвии или даже в Эордее (Элимее)¹⁷. Возможно, что Корраг, согласно имени и патронимику, несомненно, бывший македонянином¹⁸, получил от царя землю в Эордее (Элимее), хотя происходил из другого места. После его смерти или в силу того, что по какой-то причине пожалование было аннулировано¹⁹, Филипп V передал надел Коррага отряду воинов из Эвии.

В пользу теории о смерти Коррага может свидетельствовать параллель с ситуацией, зафиксированной в Пифии, входившем в Трехградье в Перребии, где

¹² Gauthier, Hatzopoulos 1993.

¹³ Lazaridou 2015, 1–45.

¹⁴ Gauthier, Hatzopoulos 1993, 35–41; Hatzopoulos 1996 I, 134–138; Lazaridou 2015, 41–44; Hatzopoulos 2016b, 31–33. Закон об эфебархе сохранился благодаря копии римского времени, датированной 125-м годом македонской провинциальной эры (= 24/23 г.), но то, что он относится к концу монархии Антигонидов не вызывает сомнений.

¹⁵ Hatzopoulos 2001, 91–96. Мнение Х. Хрисафиса (Chrysafis 2014, 455–468) о *πυρόκαυστις*, как синониме термина *λόχος* (подразделения из 16 воинов), интересно, но подобная трактовка ставит больше вопросов, чем дает ответов.

¹⁶ Carney 2010, 409–410, 413–414.

¹⁷ Hatzopoulos 1996 I, 97.

¹⁸ Ср. Gabbert 1988, 11; Mari 2019, 219.

¹⁹ Ср. Mari 2019, 219.

царь Деметрий II вернул (или включил) в царский домен виноградник некоего Павсания, который умер, не оставив завещания (Tziafalias, Helly 2010, 85 [№ II] = SEG LX 605)²⁰. Виноградник мог быть царским пожалованием и после смерти Павсания подлежал возврату, т.к. усопший не имел наследников. Однако более вероятно, что в Македонии земли, утратившие владельцев, становились царской собственностью (анalogии этому имеются на эллинистическом Востоке²¹).

В случае Коррага мог иметь место следующий сценарий. Его обозначение как метека указывает на то, что он владел наделом земли полиса или этноса, а не участком из царского домена (в данном случае его наименование μέτοικος не имело бы смысла). Фразу «τὸν ἐν Γρήαια μέτοικον» можно понимать, что, будучи метеком в полисе Эвия, или этносе зордов (или элимиотов), он лишь жил в Греции. Соответственно, Корраг имел право купить землю вне пределов своей «малой родины». Однако, когда он умер, видимо, не оставив наследников, надел стал царской собственностью и был передан Филиппом V отряду воинов, попросивших об этом.

В Македонии эллинистического времени имелись и категории населения, стоявшие вне «гражданской» организации. В сильно поврежденной надписи из района Кирра в Нижней Македонии, датируемой, видимо, первой половиной III в. и содержащей текст обширного документа о переустройстве городского пространства, присутствует слово λαοί, за которым идет несколько имен (ЕКМ II 2 401, стк. 31). В эпоху эллинизма на Востоке это был один из терминов, обозначающих зависимое население, прикрепленное к земле²². Еще совсем недавно доминировало мнение, которое, к примеру, четко сформулировано в монографии Ф. Папазоглу о лаой и паройках, что «в Македонии и Греции, главных частях царства Антигонидов, лаой не засвидетельствованы, и, если мы посмотрим правде в глаза, их не могло быть»²³. Однако в свете киррской надписи следует признать, что институт лаой имел место в Македонии. К данной категории могли относиться фракийцы, кельты и иллирийцы, проживание которых в центральных районах Македонии при последних Антигониде фиксировалось в литературных источниках (Polyb. XXIII. 10. 4–6; Liv. XL. 30. 5)²⁴. Возможно, что лаой в Македонии эллинистического времени трудились наряду с рабами²⁵ как на царских землях, так и в крупных частных хозяйствах²⁶.

ФЕССАЛИЯ

Важнейшей частью державы Антигонидов являлась Фессалия. Впервые фессалийские земли (как собственно Фессалия, так и ее т.н. «периферийные регио-

²⁰ Martín González, Paschidis 2020, 69.

²¹ Haussoullier 1923, 519 = P. Dura 12. См. подробнее: Tziafalias, Helly 2010, 86–93.

²² См. подробнее: Papazoglou 1997, 9–141.

²³ Papazoglou 1997, 2.

²⁴ Ср. Hatzopoulos 2020, 54.

²⁵ В литературных и эпиграфических источниках имеются указания о рабовладении в Македонии эллинистического времени. Среди надписей присутствуют манумиссии – документы об освобождении рабов и их условиях (ЕКМ I [I. Vergia] 45–46). В законе о гимнаснархе из Берои рабы, вольноотпущенники и их сыновья попадают в категорию лиц, которым запрещено посещение гимназия, предназначенного только для граждан (ЕКМ I [I. Vergia] 1B, сткк. 26–28).

²⁶ В сельском хозяйстве важную роль играл труд свободных крестьян, имевших свои наделы (например, Филипп V распускал армию для сбора урожая – Polyb. IV.66.7).

ны» – Перребия, Фтиотидская Ахайя и др.) были интегрированы в Македонскую державу Филиппом II к концу 350-х гг.²⁷ Однако ни тогда, ни позднее, в эпоху эллинизма, Фессалия не была включена в т.н. «национальную» македонскую территорию²⁸. Только часть Перребии – т.н. Трехградье (Пифий, Долиха и Азор) – административно вошло в один из верхнемакедонских регионов, Элимею (однако см. далее замечание о статусе Магнесии при Антигонидях)²⁹.

Фессалийцы, особенно знаменитая конница, играли важную роль в военной организации Македонской державы, а представители ряда аристократических семей были частью придворной элиты династий Аргеадов-Теменидов и Антигонидов. Несмотря на это, фессалийцы не раз пытались освободиться от македонского владычества (после убийства Филиппа II в 336 г.; вслед за смертью Александра Великого, в ходе Ламийской войны в 323–322 гг.; в начале 220-х гг. в финале неудачной для Македонии Деметриевой войны против этоло-ахейского альянса). Судя по всему, фессалийцы были свободными в конце 280-х – начале 270-х гг., во время «междоусобия» в Македонии после гибели диадоха Лисимаха и распада его державы и до окончательного прихода к власти Антигонидов.

После утверждения Антигонидов в Македонии в 270-х гг. Фессалия вновь стала частью Македонской державы, но как это произошло, неизвестно³⁰. Однако показательно, что, видимо, с конца первой половины 270-х гг. фессалийские гегемоны не появлялись в совете Дельфийской амфикионии, в которой во время доминирования в ней этолийцев обычно отсутствовали народы, находившиеся под властью Антигонидов³¹. Свобода от македонских царей была обретена фессалийцами после поражения Филиппа V во второй войне против Рима (200–197 гг.). Позднее за помощь римлянам во время их войны с Антиохом III Филиппу удалось вернуть контроль над некоторыми периферийными фессалийскими регионами (в первую очередь Фтиотидской Ахайей).

В позднеантичной исторической традиции (у Порфирия и Евсевия) Антигониды, начиная с Антигона Гоната и кончая Филиппом V, именуются «царями» фессалийцев (Euseb. Chron. I. 241–247 Schoene). Данное определение не следует понимать буквально, но оно отражает внешние представления о положении фессалийцев в составе Македонской державы.

Описывая события начала царствования Филиппа V, Полибий отмечал: «казалось, что фессалийцы жили согласно законам, что существенно отличало их от македонян, но на самом деле с ними обращались так же, как и с македонянами, и они подчинялись всем царским распоряжениям»³². Оценка Полибием положения фессалийцев при Антигонидях представляет ретроспективный взгляд со стороны, который следует признать в целом корректным (и, что важно, он близок по времени к описываемой эпохе, особенно в сравнении с упомянутой выше позднеантичной традицией), но его необходимо уточнить на основе эпиграфических источников. Также следует помнить о том, что, характеризуя собственно Маке-

²⁷ Graninger 2010, 314–316.

²⁸ Ср. Hatzopoulos 1996 I, 207.

²⁹ FD III 4 417III. См. подробнее: Hatzopoulos 2020, 41–42; ср. Graninger 2010, 323.

³⁰ Об истории Фессалии в III в. см. Helly 2009, 339–368.

³¹ Ср. Graninger 2010, 320.

³² Polyb. IV.76.2: Θετταλοὶ γὰρ ἐδόκουν μὲν κατὰ νόμους πολιτεῦειν καὶ πολὺ διαφέρειν Μακεδόνων, διέφερον δ' οὐδέν, ἀλλὰ πᾶν ὁμοίως ἔπασχον Μακεδόσι καὶ πᾶν ἐποίουν τὸ προσταττόμενον τοῖς βασιλικοῖς.

донию и последних Антигонидов, Полибий проявил непонимание сущности Македонского государства и продемонстрировал весьма субъективное отношение к македонским царям и македонянам³³.

Надписи свидетельствуют, что в державе Антигонидов фессалийские города, как центральные, так и периферийные, обладали полисным статусом, в них были народные собрания и локальные магистраты (таги, гимнасиархи, жрецы и др.), они имели собственное гражданство, законы и право признавать асилию (см. далее).

В фессалийской Магнесии находилась Деметриада – город, основанный ок. 294 г. Деметрием Полиоркетом, ставший одной из резиденций Антигонидов наряду с Пеллой и Эгами в Македонии. Впрочем, судя по всему, земли вокруг Деметриады, а, возможно, и вся Магнесия административно были частью македонской «национальной территории», включавшей и царские владения – *χώρα βασιλική*, которые зафиксированы в эпитафике (SEG LVI 626)³⁴. Деметриада, будучи важным портом, являлась одним из космополитичных полисов, порожденных эпохой эллинизма. Гражданский коллектив Деметриады изучен не очень хорошо, но надгробия, происходящие из местных некрополей, сохранили имена множества людей, которых можно назвать «метеками»: это были граждане Амфиполя, Кассандрии, эпироты, критяне, выходцы с Востока (одним из них был жрец Исиды египтянин Уафр³⁵).

Остается открытым вопрос, функционировал ли в какой-либо форме при Антигониде Фессалийский союз, прежде объединявший четыре части собственно Фессалии? Б. Элли, один из крупнейших специалистов по фессалийской истории и эпитафике, не раз высказывался против предположений о существовании Фессалийского союза в составе державы Антигонидов³⁶. Однако «фессалийцы» упоминаются сообща в декрете одного из фессалийских городов, название которого не сохранилось, по поводу асиии косского Асклепийона в 243 г.³⁷ Высказывались предположения, что это может быть декрет Лариссы³⁸. Также упоминания «фессалийцев» как общности в III в. присутствуют в нескольких внешних эпитафических источниках³⁹, хотя их точная датировка затруднена.

В 224 г. «фессалийцы» вошли в созданный Антигоном III Эллинский союз и наряду с другими участниками этой симмахии – независимыми государствами – отправляли представителей в союзный синедрион (Polyb. IV. 9. 4; XI. 5. 4; ср. SVA III 507). Данное обстоятельство может указывать на то, что и ранее отношения Антигонидов и фессалийских общин, объединенных в некую структуру, формально носили, видимо, «союзный» характер.

Обширная надпись о политографии (пополнении гражданского коллектива) в Лариссе (в 217 и 215 гг.) засвидетельствовала процесс взаимодействия македонского монарха и важнейшего из фессалийских полисов (IG IX 2 517). Надпись включает тексты двух писем Филиппа V магистратам (тагам) и гражданам Ларис-

³³ Hatzopoulos 2014, 99–106, 120.

³⁴ См. подробнее: Stamatopoulou 2018, 343–376; ср. Hatzopoulos 2020, 42.

³⁵ Stamatopoulou 2018, 365.

³⁶ Например: Helly 2009, 352–355.

³⁷ IG XII 4 1 217, стк. 7: [... καὶ κοινᾶ πὸτ τὸ ἔθνος τ]ὸ Πετθαλοῦν καὶ ἰδία πὸτ τὰν π[όλιν τὰν ...].

³⁸ Bosnakis, Hallof 2003, 236.

³⁹ Кос: IG XII 4 1 133 passim; Эги в Эолиде: Malay, Riel 2009, 48–53.

сы, а также двух постановлений народного собрания по их поводу. Филипп V обращался к гражданам Лариссы посредством писем (ἐπιστολαί) с рекомендациями, а не прямых распоряжений. Постановления лариссян датированы именами местных магистратов – коллегии пяти тагов, а также гимнасиархов, наряду с месяцами и днями согласно локальному календарю (годы царствования Филиппа V – 5-й и 7-й – упомянуты только при цитировании его писем). Гражданский коллектив обозначается и в царских письмах, и в постановлениях лариссян термином *πολιτεῖα*.

После того как Филипп V поддержал обращение к нему группы лариссян с предложением расширить гражданский коллектив полиса, пострадавшего от «войн» (явно имеется в виду закончившаяся незадолго до этого Союзническая война против этолийцев), решение о чем было принято народным собранием (217 г.), в городе сложилась конфликтная ситуация. Часть старых граждан настояла на лишении новых соотечественников их статуса. За этим последовало вмешательство Филиппа (215 г.), который во втором письме рекомендовал лариссянам восстановить новых граждан в правах, что и было сделано.

По мнению ряда исследователей (М. Фейель, Р. Утьен и др.), Филипп V был не просто вовлечен в политографию в Ларисе. Именно он инициировал после 217 г., когда завершилась Союзническая война, пополнение гражданских коллективов не только здесь, но и в ряде других фессалийских городов (Фаланна и Фарсал), а также полисов Беотийской и Ахейской федераций, входивших в возглавляемый им Эллинский союз⁴⁰.

Однако декреты о политографиях в Фаланне (IG IX 2 1228) и Фарсале (IG IX 2 234 = I. Thess. I 50) не указывают на роль македонского царя, а их проведение, очевидно, было инициировано самими полисами. Несмотря на то что на основании палеографии оба документа обычно относят ко второй половине III в.⁴¹, декрет Фарсала производит впечатление более раннего в сравнении с надписью о политографии в Лариссе (217–215 гг.), а исторический фон указывает на то, что пополнение гражданского коллектива в Фаланне имело место скорее в начале II в. после того, как фессалийские земли перестали быть частью державы Антигонидов. Политографии в Беотии и на Пелопоннесе, очевидно, также не были связаны с политикой Филиппа V⁴².

После 197 г. Филиппу V, ставшему на сторону Рима во время войны с Антионом III, удалось с разрешения римлян вернуть контроль над Фтиотидской Ахайей и Долопией. Ок. середины 170-х гг. в Долопии засвидетельствован македонский *praefectus* (очевидно – стратег) Эвфранор, погибший в ходе восстания (Liv. XLII. 41. 13–14). Полностью автономными все фессалийские земли стали только после крушения монархии Антигонидов в 168 г.

ЮЖНАЯ ГРЕЦИЯ, ЭГЕИДА И МАЛАЯ АЗИЯ

Помимо Македонии и Фессалии со времени Антигона Гоната в державу Антигонидов были включены и некоторые территории в Элладе, отчасти унаследован-

⁴⁰ Feyel 1942, 285–297; Oetjen 2010, 237–254; ср. D’Agostini 2019, 151.

⁴¹ Например: De Luca 2020, 82, 85.

⁴² См. подробнее: Kuzmin, Sizov 2021–2022; ср. Marchand 2010, 332–342; Scherberich 2012, 97–105.

ные им от Деметрия Полиоркета. Главными оплотами владычества Антигонидов вне Македонии в это время являлись Деметриада в Магнесии, Халкида на Эвбее, Пирей и Коринф.

Внук Гоната Филипп V называл Деметриаду, Халкиду и Коринф «оковами Эллады» (Polyb. XVIII. 11. 4–5; 45. 4–6; Strabo IX. 4. 15; Plut. Arat. 16. 6; App. Mac. 8). Эта «цепь» функционировала вплоть до поражения царя во второй войне с римлянами. Неизвестно, бытовало ли определение «оковы Эллады» до Филиппа V, но в более раннее время к ним можно причислить и Пирей (до его освобождения от гарнизона Антигонидов в 229 г. после восстановления подлинной независимости Афинского государства; см. далее).

Представляется, что главным критерием для включения формально автономного полиса именно в «державу» Антигонидов (не используя более абстрактное определение «сфера влияния») следует признать размещение на его территории царского гарнизона. К этому необходимо добавить ограничение права ведения внешней политики. Как будет показано далее на примере Афин, отношения Антигонидов и зависимых греческих полисов строились на основе договоров.

После утверждения Антигона Гоната в Македонии центром земель и государств, входивших в греческую часть державы Антигонидов, был Коринф. В этом полисе находилась резиденция Кратера, единоутробного брата Гоната, который представлял интересы царя в южной Греции (возможно, что в сферу ответственности Кратера входила и Эвбея).

Антигониды контролировали Коринф с конца IV в. до 197 г. – от занятия города Деметрием Полиоркетом до разгрома Филиппа V римлянами и его отказа от греческих владений. За это время они дважды теряли контроль над Коринфом: ок. 249–245 гг. в результате восстания сына Кратера Александра, провозгласившего себя независимым правителем; в 243–224 гг., когда полис, лишь недавно вернувшийся под власть Антигона Гоната, был захвачен ахейцами и около двадцати лет являлся частью Ахейского союза. Последний период контроля Антигонидов над Коринфом начался с передачи ахейцами контроля над городом Антигону III в 224 г. за помощь в войне против Клеомена III⁴³.

Очевидно, что Кратер был стратегом, а не эпистатом или кем-то еще⁴⁴. Стратегами Полиэн и Плутарх называют Архелая и Феофраста, которые примерно в 245–243 гг. вместе с философом Персеем командовали гарнизоном Антигона Гоната в Коринфе и являлись его представителями в данном полисе (Polyaen. VI. 5; Plut. Arat. 23. 5). Говоря о статусе Кратера, можно провести параллели с Таврионом, представлявшим интересы Антигонидов на Пелопоннесе после создания Антигоном III Эллинского союза. Плутарх прямо называет Тавриона стратегом (Plut. Arat. 52. 2), а Полибий говорит о нем, как об ответственном за дела Пелопоннеса⁴⁵.

Имеющиеся источники не дают ответа на вопрос о юридическом характере отношений коринфян с Антигонидами. В 197 г., во время переговоров с римлянами и их греческими союзниками, Филипп V отнес Коринф к «наследственным

⁴³ См. Dixon 2014.

⁴⁴ О стратегах, управлявших внешними владениями Антигонидов и представлявших царские интересы в союзных государствах, см. подробнее: Bengtson 1944, 330–381.

⁴⁵ Например: Polyb. IV.6.4: ... ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλικῶν πραγμάτων ὑπ' Ἀντιγόνου καταλελειμμένος; IV.87.1: ... ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τεταγμένος.

владениям» (Liv. XXXII. 34. 12–13: ... quas a maioribus suis acceperisset). Впрочем, эта характеристика явно не отражает правовых аспектов.

Из коринфского декрета об асии храма Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре (208 г.), когда Коринф был частью державы Филиппа V (I. Magnesia 42), следует, что в нем функционировало народное собрание, принявшее решение признать неприкосновенность (см. далее). Скорее всего, отношения Антигонидов с коринфянами носили союзный характер, но зависели и от неформальных факторов – сотрудничества македонских царей, их представителей и элиты коринфского полиса⁴⁶.

Определенной моделью в понимании характера отношений Антигонидов и зависимых греческих полисов может быть пример Афинского государства после окончания в конце 260-х гг. Хремонидовой войны и до 229 г. Освободившись от власти Деметрия Полиоркета в 287 г. и заключив с ним мирный договор (IG II³ 1 911, сткк. 33–43), хотя последнему и его наследнику Антигону Гонату удалось сохранить контроль над Пиреем⁴⁷, Афины стали независимым государством. Выступив против Гоната в составе коалиции Египта, Спарты и ряда других государств в ходе Хремонидовой войны (ок. 268–262 гг.), афиняне, очевидно, хотели вернуть Пирей, но в итоге потерпели поражение и капитулировали (подборка источников: SVA III 477). В последующие тридцать с лишним лет Афинское государство можно считать частью державы Антигонидов⁴⁸. В середине 250-х гг. Антигон даровал афинянам «свободу» (Euseb. Chron. II. 120 Schoene), что, очевидно, выразилось в отказе царя от прямого вмешательства во внутренние дела Афин (подобная практика имела место в первые годы после окончания Хремонидовой войны⁴⁹) и в выводе гарнизонов из Мусейона в самих Афинах, а также Рамнунта, Элевсина и Афидн. Лишь после смерти наследника Гоната Деметрия II в 229 г. и ослабления Македонии у афинян появилась возможность освободиться; они добились этого, договорившись с Диогеном, командиром царских гарнизонов в Пирее и ряде других мест об их выводе⁵⁰.

Из декрета в честь некоего Феог(...), принятого в какой-то момент после окончания Хремонидовой войны (в 260/259 г. при архонте Филострате, согласно хронологии М. Осборна⁵¹, но, возможно, и позднее⁵²), известно, что афиняне «возобновили дружбу с царем Антигоном»⁵³. Очевидно, что именно «дружба» (φιλία) была правовой основой отношений Антигонидов и афинян до освобождения последних в 229 г. Видимо, что в какой-то момент φιλία дополнила и συμμαχία: литературные и эпиграфические источники фиксируют военное сотрудничество Антигонидов и афинян (в ходе войны против Александра, сына Кратера, в первой

⁴⁶ Ср. Dixon 2014, 2–4.

⁴⁷ Habicht 1997, 96–97, 124–125; Worthington 2021, 100–101.

⁴⁸ Habicht 1997, 150–166; Osborne 2012, 50–54; Oetjen 2014, 13–18, 62–67, 111–126; Waterfield 2021, 178–185; Worthington 2021, 122–133.

⁴⁹ Ср. Osborne 2012, 24, 50–51. Показательным, хотя и единственным примером является назначение «царем Антигоном» и при этом «избрание демосом» Аполлодора стратегом, отвечавшим за прибрежные земли (I. Rhampous 8, сткк. 6–8: [ἐπειδὴ Ἀπολλόδωρος κ]ατασταθεὶς στρατηγὸς ὑπὸ τε τοῦ βασιλέως Ἀντίγονου καὶ [ὑπὸ τοῦ δήμου] χειροτονηθεὶς ἐπὶ τὴν χώραν τὴν παραλίαν ...).

⁵⁰ См. подробнее: Osborne 2012, 24, 49–52; Oetjen 2014, 111–118.

⁵¹ Osborne 2012, 142, 153.

⁵² См. подробнее: Paschidis 2008, 179–181.

⁵³ IG II³ 1 982, сткк. 18–20: [... ἀνανέω]σιν τῆς φιλί[ας τῆς πρὸς τὸν βασιλ]έα Ἀντίγον[ου].

половине 240-х гг. и в следующем десятилетии – против ахейцев в годы Деметриевой войны). Известны имена афинян, выступавших посредниками в отношениях их полиса с Антигонидами (например, Элпиник, сын Мнесиппа из Рамнунта и др.⁵⁴). Македонские цари, их супруги и потомство были включены в жертвоприношения за здоровье и спасение вместе с советом и демосом, а Антигон Гонат удостоился от афинян культовых почестей – ἰσόθεοι τιμαί (I. Rhamnous 7). Но фоном всего этого было военное присутствие Антигонидов в Афинском государстве⁵⁵. Гераклит, последний македонский стратег в Пирее, контролировал и ряд других мест (Мунихия, Суний и Саламин)⁵⁶. После потери Коринфа, захваченного ахейцами в 243 г., очевидно, что именно стратег Антигонидов в Пирее фактически представлял их интересы в центральной и южной Греции. Сами афиняне явно не считали себя свободными с конца 260-х гг.; вывод царских гарнизонов и разрыв с Антигонидами в 229 г. позиционировался ими как обретение свободы⁵⁷.

На протяжении III – начала II в. в державу Антигонидов входил ряд полисов на островах Эгеиды и в Малой Азии. Очевидно, что Антигон Гонат, заключив ок. 278 г. мирный договор с Селевкидом Антиохом I, не отказался от интересов в Малой Азии, как это иногда считается⁵⁸.

Важной частью державы Антигонидов была Эвбея. В разное время цари из этой династии контролировали различные части острова, но главными пунктами македонского военного присутствия являлись Халкида и Эретрия⁵⁹. Как уже упоминалось выше, Филипп V включал Халкиду в т.н. «оковы Эллады». В первой половине 240-х гг. Эвбея или часть острова контролировалась Александром, сыном Кратера, во время его мятежа против Гоната. Под властью Антигонидов Эвбея оставалась до Второй Македонской войны и поражения Филиппа V в ней. Важную информацию о статусе Халкиды и Эретрии в державе Антигонидов могут дать декреты об асиили святилища Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре (см. далее). Полисы Эвбеи не образовывали койнон в эпоху македонского владычества и не входили в Эллинский союз времени Антигона III и Филиппа V.

Интересный пример взаимодействия царя из династии Антигонидов с зависимым полисом можно увидеть на примере небольшого острова Нисирос, расположенного ок. карийского побережья, и Филиппа V. Ок. 200 г. некий Каллий, бывший гражданином Нисироса и приближенным Филиппа, был отправлен им с письмом на родину, в котором царь, контролировавший на тот момент остров, «даровал» его жителям «отеческие законы»⁶⁰. Нисирос мог быть захвачен Филиппом незадолго до этого, в ходе кампаний в Эгеиде и на западе Малой Азии, но нельзя исключать, что остров был включен в состав Македонской державы

⁵⁴ Paschidis 2008, 172–185.

⁵⁵ Oetjen 2014, 62–67.

⁵⁶ Plut. Arat. 34.2–3, 6; Paus. II.8.6; ср. IG II² 1225, сткк. 7–9: ... καὶ νῦν καθεστῆκως ὑπὸ τ[ο]ῦ βασιλέως στρατηγὸς ἐπὶ τοῦ Πε<ι>ραιέως καὶ τῶν ἄλλων τῶν ταττομένων μετὰ τοῦ Πειραιέως. См. Paschidis 2008, 177–179.

⁵⁷ Декрет в честь Евриклида, одного из освободителей Афин в 229 г. (IG II³ 1 1160, стк. 10 ... καὶ τὴν ἐλευθερίαν ἀποκατέστησ[εν τῇ πόλει]). См. подробнее: Oetjen 2014, 112–113.

⁵⁸ Hammond, Walbank 1988, 251; contra: Buraselis 1982, 114–119.

⁵⁹ Knoepfler 2001, 362–363; Giannakopoulos 2012, 49–70; Marchand 2020, 168–188.

⁶⁰ IG XII 3 91, сткк. 1–4: βασιλεὺς Φίλιππος Νισυρίοις χαίρειν. ἀφέσταλκα Καλλίαν πρὸς ὑμᾶς, ὄντα καὶ ἡμῖν συνήθη καὶ ὑμέτερον πολίτην; сткк. 15–18: ... καὶ ἀπαγγέλλων δεδώκεν βασιλῆ ἡμῖν νόμοις τοῖς πατρίοις καὶ ὑπάρχουσιν χρῆσθαι.

ранее в связи с Карийской экспедицией Антигона III в первой половине 220-х гг.⁶¹ Дарование «отеческих законов» было актом эвергесии – благодеяния; подобная практика играла важную роль во взаимоотношениях эллинистических монархов с эллинскими государствами, как зависимыми, так и полностью автономными⁶².

В Малой Азии в сфере интересов Антигонидов до начала II в. была Кария. Видимо, в начале 260-х гг. Антигон Гонат захватил или контролировал в данное время Кавн, о чем свидетельствует декрет из этого города, датированный «15-м годом царствования Антигона» (269–268 гг.) (I. Kaunos 4)⁶³. Текст обрывается на преамбуле, но в декрет была включена и датировка кавнским жрецом-эпонимом⁶⁴.

Могла ли датировка документов некоторых полисов за пределами Македонии годами царствований Антигонидов быть следствием более глубокой интеграции в их державу? На первый взгляд, положительный ответ не вызывает сомнений, но ситуация сложнее. Если посмотреть на практику датировки городских документов в самой Македонии, то становится очевидным, что там никакой унификации не было. Показательный пример дают синхронные декреты шести македонских полисов по поводу асиии косского Асклепийона, которые относятся ко второй половине лета 243 г. Постановления только двух полисов – Берои и Амфиполя – датированы царскими годами (41-й год царствования Антигона Гоната). Также в них добавлены и местные датировки – в Берое именем жреца-эпонима и месяцем с указанием дня; в Амфиполе именами эпистата, жреца и месяцем с указанием дня. В Эгах и Пелле решения датированы именами жрецов-эпонимов; в Пелле также указан и месяц (горпизэй). Декреты Кассандрии и Филипп не имеют датировок. Следует отметить отсутствие датировок годами царствования Антигона Гоната в царских резиденциях – Пелле и Эгах⁶⁵.

Возвращаясь к немакедонским полисам, входившим в державу Антигонидов, следует упомянуть датированный месяцем ксандиком 23-го года царствования Филиппа V (198 г.), но имеющий и локальную датировку декрет Панамар в Карии, который позволяет сделать предположение об их статусе (I. Stratonikeia I 4). В данном декрете чувствуется некий Асклепиад, отправленный царем в Панамары в качестве эпистата. Включение в датировку года царствования Филиппа V могло быть связано с присутствием в Панамарах его представителя.

ПЕОНИЯ И ФРАКИЙСКИЕ ЗЕМЛИ

Севернее Македонии располагалась Пеония, которая к 217 г. была постепенно захвачена Антигонидами и интегрирована в их державу, в составе которой она на-

⁶¹ См. подробнее: Thompson 1971, 616–618; Olshausen 1974, 126–127; Le Bohec 1993, 350–351.

⁶² «Отеческие законы» были дарованы «царем Антигоном Сотером», в котором можно видеть Антигона Гоната или Антигона III (Habicht 2006, 288; Le Bohec 1993, 47–48), жителям о. Иос (IG XII Suppl. 168).

⁶³ Неопубликованная надпись из Афин в честь Аристиды, сына Мнеситея, в которой упомянуто его успешная миссия «в Азию» к царю Антигону (Petraikos 2003 [2004], 15–16), могла быть связана с пребыванием Гоната в Карии в начале 260-х гг. (Waterfield 2021, 159).

⁶⁴ О датировке данного документа царствованием именно Антигона Гоната, а не его деда Антигона I, и историческом фоне см. подробнее: Kuzmin 2015, 73–85.

⁶⁵ Декрет граждан Эг датирован именем эпонимного «жреца Антигона». Очевидно, что это личное имя жреца, а не указание на то, что это жрец Антигона Гоната, как считает А. Чошкун (Coşkun 2021, 34).

ходила вплоть до крушения македонской монархии. Пеонийские земли управлялись стратегами (в конце царствования Филиппа V и при Персее стратегом в Пеонии был некий Дидас – Liv. XL. 21. 9)⁶⁶. Пеонийские контингенты включались в армии Антигонидов. Контроль над Пеонией осуществлялся с помощью сети крепостей. Важность Пеонии заключалась в том, что данный регион был «буфером», защищавшим Македонию от дарданов, которые примерно со второй половины III в. представляли перманентную угрозу для Антигонидов. После ликвидации римлянами монархии Антигонидов пеоны не получили независимости, а их страна была разделена и присоединена ко второй и четвертой македонским «республикам» (Liv. XLV. 29. 12–13).

В державу Антигонидов входили и некоторые фракийские территории, состав которых не был постоянным. Для конца царствования Филиппа V (184 г.) имеются упоминания об Ономасте, «ὁ ἐπὶ Θράκης τεταγμένος» (Polyb. XXII. 13. 3), который, очевидно, являлся стратегом⁶⁷. В сфере его ответственности был регион Маронеи до отторжения этого полиса от царства Филиппа по решению римлян. Даже в конце царствования Персея под его контролем находились некоторые места во Фракии восточнее р. Нест (Diod. XXI. 8. 8; Liv. XLV. 29. 6)⁶⁸.

АНТИГОНИДЫ И АСИЛИЯ

Важную информацию о характере отношений Антигонидов с их македонскими подданными и союзными общинами дают декреты о признании священной неприкосновенности (асилии) нескольких святилищ и их праздников. С середины III в. до 180-х гг. Антигониды признали асимию Асклепийона на Косе и панэллинских игр в честь Асклепия (лето 243 г.), праздника Артемиды Левкофриены и ее храма в Магнесии-на-Меандре (208 г.) и Кизика (конец 180-х гг.).

Благодаря надписям, найденным на Косе, известно о признании асимию местного Асклепийона Антигоном Гонатом и не менее чем восьмью македонскими полисами (Эги, Бероя, Пелла, Кассандрия, Амфиполь, Филиппы)⁶⁹, а также еще два города, чьи названия не сохранились из-за повреждения надписей⁷⁰.

То, что в декретах Эг, Берои и Пеллы не засвидетельствовано решение Антигона Гоната признать асимию (упомянутое в постановлениях Кассандрии, Амфиполя и Филипп, которые косские посланники – теоры, посетили позднее во время их путешествия по Македонии⁷¹), может служить аргументом в пользу мнения о том, что по крайней мере в 243 г. македонские полисы могли признавать асимию самостоятельно⁷². Возможно, что теоры встретились с Гонатом уже после посе-

⁶⁶ См. подробнее: Bengtson 1944, 339–345; Hatzopoulos 2020, 41; Lilchik Adams 2022, 295–366.

⁶⁷ О значении выражения «ὁ ἐπὶ <...> τεταγμένος» для обозначения лица на царской службе см. Juhel 2009, 60–63.

⁶⁸ См. подробнее: Hammond, Walbank 1988, 611–612.

⁶⁹ О статусе Филипп и возможности того, что этот полис находился за пределами «национальной» македонской территории см. выше.

⁷⁰ Одним из них, очевидно, была Фессалоника (Bosnakis, Hallof 2020, 304), другим, возможно, Дий (Kuzmin 2021, 218), хотя высказывались предположения об Эдессе (Bosnakis, Hallof 2020, 306) и Пидне (Hatzopoulos 2021, 208–209).

⁷¹ Кассандрия: ... κατὰ τὴν τοῦ βασιλέως βούλησιν (IG XII 4 1 220I, стк. 10); Амфиполь и Филиппы: ... καθάπερ καὶ ὁ βασιλεὺς Αντίγονος προαιρεῖται (IG XII 4 1 220II, стк. 31; 220III, сткк. 48–49).

⁷² Raynor 2016, 253–262; contra: Hatzopoulos 2021, 204–206, 211–212.

щения ими Пеллы, т.к. согласие царя признать асилию было упомянуто только в постановлениях городов, в которых они побывали позднее. В декретах Эг, Берои и Пеллы говорится о том, что Асклепийон получает асилию, «как и другие святилища, имеющие неприкосновенность»⁷³. При этом явно подразумевается неприкосновенность храма в традиционном понимании⁷⁴.

Также сохранились декреты об асиии косского Асклепийона нескольких принадлежавших к державе Антигонидов полисов из периферийных фессалийских регионов (Фивы во Фтиотидской Ахайе, Гомолий в Магнесии и Гонны в Перребии), написанные на койнэ⁷⁵, и фрагменты двух постановлений на фессалийском варианте эолийского диалекта (IG XII 4 1 217–218), но из-за повреждений стел невозможно установить имена полисов, их издавших. В наименее поврежденных декретах – Гонн и Фив – также отсутствуют указания на македонское владычество и санкцию царя.

Есть мнение, что Антигон Гонат после обращения к нему теоров с Коса издал *διάγραψα* со своим решением, адресованную его подданным и союзным общинам⁷⁶. Согласно другой точке зрения, царь отправил письма в отдельные города, как это, возможно, имело место позднее в случае с асилией Кизика (ок. 180 г.), когда сначала Филипп V получил просьбу, согласился с ней, а затем послал письмо гражданам г. Дий, сообщив о своем решении (SEG XLVIII 785)⁷⁷. Похожий механизм засвидетельствован и в случае с письмом Филиппа V совету и народу Халкиды о признании им празднества в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре. Из писем Антиоха III и Аттала I по этому же поводу известно, что оба царя обещали сообщить о своем решении подданным (I. Magnesia 18, сткк. 25–28 – Антиох III; 22, сткк. 19–23 – Аттал I).

К. Ригсби высказал предположение, что Антигону Гонату могло принадлежать одно из писем об асиии косского Асклепийона (IG XII 4 1 208), исходя из лексики, происходившее из царской канцелярии, но из-за состояния текста не позволяющее установить автора⁷⁸. В конце письма постулируется, что царь объявит своим подданным о признании им асиии святилища, но только в пределах его границ⁷⁹. Очевидно, что неприкосновенность не распространялась этим монархом на полис косцев.

Есть основания считать, что широкой кампании косцев в 243 г. – от Малой Азии до Сицилии и Италии – с просьбами о признании асиии и приглашением принять участие в празднике в честь Асклепия в следующем году предшествовало их более раннее обращение к некоторым царям и государствам⁸⁰. Об этом свидетельствуют два письма вифинского царя Зиэла (Зигэла), во втором из которых, да-

⁷³ ... καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερὰ τὰ ἄστυα (Bosnakis, Hallof 2020, 291, АП, стк. 18 [Эги], АП, стк. 36–37 [Бероя]; IG XII 4 1 221 А1, стк. 13 [Пелла]).

⁷⁴ Ср. Sosin 2009, 380.

⁷⁵ IG XII 4 1 216A–B I–III (Гонны, Гомолий, Фтиотидские Фивы).

⁷⁶ Giovannini 1977, 469; contra: Rigsby 1996, 135, n. 67.

⁷⁷ Mari 2018, 135–136.

⁷⁸ Rigsby 1996, 117–118. Впрочем, не обязательно, что данным монархом был именно Гонат (ср. Bosnakis, Hallof 2020, 302 + Anm. 37)

⁷⁹ IG XII 4 1 208, сткк. 9–13: ... καὶ τοῖς ὑφ' ἡμᾶς τασσομένοις παραδώσομεν ἄστυον ἡγεῖσθαι τὸ ἱερὸν ὡς τοὺς ὄρους τεθείκατε.

⁸⁰ Coşkun 2021, 32–35.

тированном 243 г.⁸¹, имеется отсылка к признанию асиили, уже имевшему место ранее (о чем говорится в первом письме – IG XII 4 1 209). Можно допустить, что и Антигон Гонат признал асиейлию Асклепийона ранее, а в 243 г. его подданные, уже знавшие о решении царя, ориентировались на него (некоторые общины включили упоминания об этом в свои постановления, другие не сделали этого). Однако, судя по всему, подконтрольную Гонату Фессалию и первые македонские полисы (среди них Эги, Бероя и Пелла) косские теоры посетили летом 243 г., еще до признания асиили самим царем (см. выше)⁸².

В 208 г. Филипп V признал равный дельфийским Пифийским играм и другим «венчанным агонам» (на которых наградой являлись венки) статус праздника в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре. Об этом известно благодаря выдержке из царского письма, процитированного в халкидском декрете по данному поводу (I. Magnesia 47). Известно, что праздник и асиейлию храма Артемиды из подданных и союзников Филиппа, помимо Халкиды, признали также Эретрия и Гистизя на Эвбее (I. Magnesia 48), Коринф (I. Magnesia 42), перребские полисы Гонны и Фаланна (I. Magnesia 33) и, возможно, Ларисса (I. Magnesia 26)⁸³. Самому Филиппу V могло принадлежать письмо «царя», от которого сохранилось только начало первой строки (I. Magnesia 24: βασιλ[εὺς ...]).

Из коринфского декрета (I. Magnesia 42) следует, что решение о признании асиили приняло народное собрание (ἐκκλησία), санкция Филиппа V в нем не упоминается, хотя резюме решения царя было включено в декрет, принятый советом и народным собранием Халкиды, еще одного «звена» в македонских «оковах» Эллады. С другой стороны, в декрете соседней с Халкидой Эретрии Филипп V также не фигурирует. Подобная ситуация и в Гоннах в Перребии (I. Magnesia 33). Тексты декретов перребской Фаланны и эвбейской Гестиэи не были приведены магнесийцами, ими было только упомянуто положительное решение граждан этих полисов о признании асиили.

Может ли присутствие ссылок на решение царя о признании асиили (в случае как Асклепийона, так и храма Артемиды) в декретах некоторых македонских и союзных полисов и отсутствие этого в других указывать на разный «правовой» характер отношений царей с ними и разную степень их автономии в державе Антигонидов? Или – царская санкция имела во всех случаях, но не была упомянута в декретах некоторых полисов? Пока дать однозначный ответ невозможно.

Однако представляется допустимым следующий вывод относительно статуса македонских, фессалийских и других греческих полисов в составе державы Антигонидов в контексте признания асиили косского Асклепийона и святилища Артемиды в Магнесии-на-Меандре. Для косцев и магнесийцев все они (и македонские, и союзные греческие общины), несмотря на вхождение в державу Антигонидов, очевидно, являлись субъектами межгосударственных отношений в культурно-религиозной сфере. И косцы, и магнесийцы не ограничились лишь обращениями к

⁸¹ Bosnakis, Hallof 2020, 293, VIII, сткк. 73–74.

⁸² Ср. Kuzmin 2021, 223–224.

⁸³ Rigsby 1996, 201. Предполагаемый декрет Лариссы написан на эолийском диалекте и достаточно сильно поврежден; в его конце упоминается, что стелу с текстом постановления должны установить на агоре рядом со статуей «царя» (I. Magnesia 26, сткк. 26–28).

царям, Антигону Гонату и Филиппу V, но направили миссии и в города, входившие в державу Антигонидов⁸⁴.

ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АНТИГОНИДОВ, ИХ ПОДДАННЫХ И СОЮЗНИКОВ

Антигониды взаимодействовали со своими подданными в Македонии, а также с союзниками через распоряжения (*διαγράμματα*) и письма (*ἐπιστολαί*)⁸⁵ при посредничестве «друзей», эпислатов, стратегов и иных представителей.

Эпиграфические источники демонстрируют работу канцелярии Антигонидов. Помимо отдельных царских писем и диаграмм (наибольшее их число относится ко времени Филиппа V⁸⁶), сохранились циркулярные документы (*διαγράμματα*), связанные с функционированием военной организации, копии которых были найдены как в разных частях Македонии, так и державы Антигонидов. Это тексты военных установлений времени Филиппа V или Персея из Кассандрии и, видимо, Амфиполя (Hatzopoulos 2001, № 2 I–II), а также копии диаграммы об обеспечении гарнизонов, происходящие из Халкиды на Эвбее и Кина в Восточной Локриде (Hatzopoulos 2001, № 1 I–II).

В македонских полисах эллинистического времени эпислаты, очевидно, являлись городскими магистратами, отвечавшими за связь с царским двором⁸⁷. Однако вне пределов Македонии эпислаты Антигонидов представляли их интересы в некоторых союзных и зависимых государствах (в 222 г. беотиец Брахилл был оставлен Антигоном III эпислатом в Спарте после разгрома Клеомена III и занятия города македонянами – Polyb. XX. 5. 12; выше упоминался эпислат Асклепиад, отправленный Филиппом V в Панамары в Карию в начале II в.). Также за взаимодействие с союзными общинами отвечали стратеги и командиры расквартированных в них гарнизонов Антигонидов.

Как и в других эллинистических государствах, в Македонской державе времени Антигонидов ближнее окружение царя именовалось «друзьями» (*φίλοι*)⁸⁸. В первую очередь ими являлись выходцы из локальных элит македонских общин, представлявшие при дворе и их интересы (хороший пример дают несколько семей из Берио)⁸⁹, однако на службе Антигонидов присутствовали и выходцы из других государств, как бывших частью их державы, так и находившихся вне ее.

Некий Дорофей, сын Дора из Селевкии, был приближенным царицы Филы, супруги Антигона Гоната. Филадельфия являлась дочерью Селевка I и, возможно, что Дорофей прибыл в Македонию вместе с ней. Дорофей удостоился почестей от граждан Кассандрии за помощь в их взаимодействии с Филой (SEG XXXIX 595).

⁸⁴ В связи с этим следует упомянуть, что в 243 г. коопты обращались с просьбой о признании асильи к подданным и союзникам Птолема III (Эн и Мароней) и Александра II Эпирского (Левкада), а магнесийцы в 208 г. к подданным и союзникам Селевкидов и Атталидов.

⁸⁵ См. подробнее: Mari 2018, 125–130.

⁸⁶ Hatzopoulos 2014, 107–119; ср. Mari 2018, 129–130 + п. 32.

⁸⁷ Hatzopoulos 1996 I, 372–429. Согласно традиционной концепции, эпислаты в городах, подчинявшихся эллинистическим монархам, в том числе и в македонских полисах времени Антигонидов, были внешними царскими представителями (например: Papazoglou 2000, 172–176).

⁸⁸ См. подробнее: Le Bohec 1985, 93–124

⁸⁹ См. подробнее: Paschidis 2006, 251–267; Kuzmin 2013, 66–99.

Одним из приближенных Филиппа V в начале его царствования являлся Петрей, бывший, очевидно, фессалийцем из Лариссы⁹⁰. Он был одним из тех, кто сообщил царю о тяжелой демографической ситуации в данном полисе, что привело к политографии 217–215 гг.

«Другом» Деметрия II был Автокл, сын Энесидема из Халкиды, удостоившийся почестей на Делосе (IG XI 4 680) и проксении в Оропе (I. Oropos 57). О его деятельности в роли придворного ничего не известно, но важность Халкиды для державы Антигонидов была показана выше.

Известны имена афинян, находившихся на службе Антигонидов. Среди них были Дикеарх и его отец Аполлоний, служившие Антигону Гонату и его преемнику Деметрию II (в разные годы они возглавляли гарнизоны в Рамнунте, Элевсине, Панакте и Эретрии) (I. Rhamnous 17)⁹¹.

В ходе Карийской экспедиции (ок. 227 г.) Антигон III установил отношения с Олимпихом, ранее бывшим селевкидским стратегом. Резиденция Олимпиха находилась в Алинде. В литературной традиции единственное упоминание об Олимпихе сохранилось у Полибия, который отнес его к «династам», рассказывая о помощи родосцам после землетрясения, происшедшего ок. 227–225 гг. (Polyb. V. 90. 1). Основной массив информации об Олимпихе присутствует в эпитафических источниках, включая его переписку с Филиппом V⁹². Видимо, в какой-то момент Олимпих стал стратегом карийской части державы Антигонидов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Македонская держава времени Антигонидов была сложной многоуровневой структурой, схожей в данном отношении с другими эллинистическими державами. Она включала собственно Македонию, Фессалию, а также ряд греческих государств, наряду с некоторыми неэллинистическими территориями.

Непосредственными подданными Антигонидов были лишь «македоняне» – граждане полисов и этносов. Греческие полисы, принадлежавшие к державе Антигонидов, обладали автономией и собственным гражданством, и, как свидетельствуют декреты об асии, воспринимались извне субъектами межгосударственных отношений в религиозно-культурной сфере. Однако пример Коринфа показывает, что в глазах самих Антигонидов некоторые из них были чем-то вроде «наследственных владений».

Присутствие гарнизонов в стратегически важных местах обеспечивало контроль Антигонидов над Элладой (Коринф, Деметриада, Халкида, Пирей и др.) и защиту северных рубежей Македонии (крепости в Пеонии). Важным элементом в доминировании Антигонидов на Балканах в последней четверти III в. был Эллинский союз.

Изучение структуры державы Антигонидов и характера отношений царей из этой династии с подданными, а также с союзными общинами, включая и экономические аспекты, представляется важным и перспективным направлением в рамках

⁹⁰ Olshausen 1974, 133–135; Le Bohec 1985, 110–111; Habicht 2006, 73; Paschidis 2008, 265–267.

⁹¹ См. Paschidis 2008, 185–186; Oetjen 2014, 54–62.

⁹² Об Олимпихе см., например: Billows 1995, 94–96.

исследований эллинистической государственности и взаимоотношений монархов с полисами и иными политическими субъектами.

ADDENDUM

На с. 135 в прим. 63 упоминается «неопубликованная надпись из Афин в честь Аристида, сына Мнеситея», в которой среди прочего говорится о его миссии к Антигону «в Азию» и приводится мнение Р. Уотерфилда о том, что данная поездка была связана с возможным пребыванием Гоната в Карию в начале 260-х гг. (Waterfield 2021, 159). Недавно декрет в честь Аристида был издан (I. Rhamnous 404) и теперь очевидно, что афинское посольство к Антигону Гонату в Азию имело место раньше, ок. 280 г.

О декрете в честь Аристида, важном источнике для истории Афинского государства в 280–260-х гг. и его отношениях с Антигонидами (Деметрием Полиоркетом и Антигоном Гонатом) см.: Clinton K. The Reunion of the Athenian Asty with the Piraeus, 280–279 BC. *Grammateion* 11, 2022, 7–16; Rose T., Wallace Sh. The Athenian Revolt from Demetrios Poliorketes: New Evidence from Rhamnous (I. Rhamnous 404). *Ancient History Bulletin* 36/3–4, 2022, 166–178.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bengtson, H. 1944: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit* II. München.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York–Köln.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2003: Alte und neue Inschriften aus Kos I. *Chiron* 33, 203–262.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2020: Alte und neue Inschriften aus Kos VI. *Chiron* 50, 287–326.
- Buraselis, K. 1982: *Das hellenistische Makedonien und die Ägäis*. München.
- Carney, E.D. 2010: Macedonian Women. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden, Mass., 409–427.
- Chrysafis, Ch.I. 2014: *Pyrokausis*: its Meaning and Function in the Organization of the Macedonian Army. *Klio* 96/2, 455–468.
- Coşkun, A. 2021: The Chronology of the Asyilia Dossier from Kos Revisited in Light of Some Recent Epigraphic Discoveries. *Philia* 7, 29–46.
- D'Agostini, M. 2019: *The Rise of Philip V. Kingship and Rule in the Hellenistic World*. Alessandria.
- De Luca, G. 2020: Decreto di Falanna sulla concessione della cittadinanza. *Axon* 4/2, 81–92.
- Decourt, J.-C. 1990: Décret de Pharsale pour une politographie. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 81, 163–184.
- Dixon, M.D. 2014: *Late Classical and Early Hellenistic Corinth, 338–196 B.C.* London–New York.
- Ferrara, F.M. 2020: *Basileus e Basileia. Forme e luoghi della regalità macedone*. Roma.
- Feyel, M. 1942: *Polybe et l'histoire de Béotie au III-e siècle avant notre ère*. Paris.
- Gabbert, J. 1988: The Language of Citizenship in Antigonid Macedonia. *The Ancient History Bulletin* 2/1, 10–11.
- Gauthier, Ph.L., Hatzopoulos, M.B. 1993: *La loi gymnasiarchique de Béroia*. Athènes.
- Giannakopoulos, N. 2012: Remarks on the Decrees of the Euboean Cities for the Leukophryena. *Архαιολογία* 16/1–3 (2010–2012), 49–70.

- Giovannini, A. 1977: Le statut des cités de Macédoine sous les Antigonides. In: *Ancient Macedonia—II*. Thessaloniki, 465–472.
- Graninger, D. 2010: Macedonia and Thessaly. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden, Mass., 306–325.
- Habicht, Chr. 1997: *Athens from Alexander to Antony*, Cambridge, MA–London.
- Habicht, Chr. 2006: *The Hellenistic Monarchies. Selected Papers*. Ann Arbor.
- Hammond, N.G.L., Walbank, F.W. 1988: *A History of Macedonia III*. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1995: Τα όρια της Μακεδονίας. *Πρακτικά της Ακαδημίας Αθηνών* 70/1, 164–177.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings I*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes.
- Hatzopoulos, M.B. 2014: Vies parallèles: Philippe V d'après Polybe et d'après ses propres écrits, *Journal des Savants* 1, 99–120.
- Hatzopoulos, M. 2016a: Φιλίππες, πόλις ἑλληνικῆς Μακεδόνων κτίσμα. In: J. Fournier (ed.), *Philippes, de la Préhistoire à Byzance. Études d'archéologie et d'histoire*. Athènes, 97–112.
- Hatzopoulos, M.B. 2016b: *Νεότης γεγυμνασμένη. Macedonian Lawgiver Kings and the Young*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2020: *Ancient Macedonia*. Berlin–Boston.
- Hatzopoulos, M.B. 2021: Quatre nouveaux décrets macédoniens: géographie historique et institutions. *Revue des études grecques* 134/1, 199–213.
- Haussoullier, B. 1923: Une loi grecque inédite sur les successions «ab intestate». *Revue historique de droit français et étranger* 2, 515–553.
- Helly, B. 2004: Décrets de cités thessaliennes à Cos. *Chiron* 34, 87–107.
- Helly, B. 2009: La Thessalie au IIIe siècle av. J.-C. In: *Αρχαιολογικό Εργό Θεσσαλίας και Στερεάς Ελλάδας* 2/1. Βόλος, 339–368.
- Juhel, P.O. 2009: {Ο ἐπὶ + substantif au génitif}, titre des fonctionnaires de l'administration hellénistique en général et des hauts fonctionnaires royaux de la Macédoine antigonide en particulier. *Tyche* 24, 59–76.
- Juhel, P.O. 2011: Un fantôme de l'histoire hellénistique: le «district» macédonien. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 54/4. 579–612.
- Knoepfler, D. 2001: *Décrets érétriens de proxénie et de citoyenneté*. Paris.
- Kremydi, S. 2018: *“Autonomous” Coinages under the Late Antigonids*. Athens.
- Kuzmin, Y.N. 2013: *Aristokratiya Beroii v epokhu ellinizma [The Aristocracy of Beroia in the Hellenistic Epoch]*. Moscow.
- Кузьмин Ю.Н. 2013: *Аристократия Берои в эпоху эллинизма*. М.
- Kuzmin, Y.N. 2015: The Antigonids, Caunus and the so-called «Era of Monophthalmus»: Some Observations Prompted by a New Inscription. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 73–85.
- Kuzmin, Yu.N. 2021: “Novye” i “starye” dekrety makedonskikh polisov po povodu asilii svyatilisha Asklepiya na Kose [“New” and “Old” Decrees of the Macedonian Poleis on the asyilia of the Koan Sanctuary of Asklepios]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4(74), 215–236.
- Кузьмин Ю.Н. 2021: «Новые» и «старые» декреты македонских полисов по поводу асиллии святилища Асклепия на Косе. *ПИФК* 4(74), 215–236.
- Kuzmin, Yu.N., Sizov, S.K. 2021–2022: The Mass Replenishment of Citizen Bodies in Greek poleis from Thessaly to Peloponnese in the second half of the Third Century BC. I. Philip V and the *politographia* in Larissa. *Mnemon* 21, 23–46; II. *Mnemon* 22 (in print).
- Кузьмин Ю.Н., Сизов С.К. Массовые пополнения гражданских коллективов в греческих полисах от Фессалии до Пелопоннеса во второй половине III в. до н.э. I. Филипп V и *политография* в Лариссе. *Мнемон* 21, 23–46; II. *Мнемон* 22 (в печати).

- Lazaridou, K.D. 2015: Εφηβάρχικος νόμος από την Αμφίπολη. *Αρχαιολογική Εφημερίς* 154, 1–45.
- Le Bohec, S. 1985: Les *philoï* des rois Antigonides. *Revue des études grecques* 98, 93–124.
- Le Bohec, S. 1993: *Antigone Dôsôn, roi de Macédoine*. Nancy.
- Lilchik-Adams, V. 2022: Makedonskata strategiya Paionia [The Macedonian *strategia* Paionia]. In: A. Yakimovski, V. Sarakinski (eds.), *Paionia i Paiontsite: izvori – istoriya – archeologiya* [Paionia and Paionians: Sources – History – Archaeology]. Skopje, 295–366.
- Лилчиќ Адамс В. Македонската стратегија Пајонија. In: А. Јакимовски, В. Сараќински (eds.), *Пајонија и Пајонците: извори – историја – археологија*. Скопје, 295–366.
- Malay, H., Riel, M. 2009: Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis. *Epigraphica Anatolica* 42, 39–60.
- Marchand, F. 2010: The *Philippeis* of IG VII 2433. In: R.W.V. Catling, F. Marchand (eds.), *Onomatologos. Studies in Greek Personal Names Presented to Elaine Matthews*. Oxford, 332–342.
- Marchand, F. 2020: The Making of a Fetter of Greece: Chalcis in the Hellenistic Period. In: F. Marchand, H. Beck (eds.), *The Dancing Floor of Ares. Local Conflict and Regional Violence in Central Greece*. Calgary, 168–188.
- Mari, M. 2018: Power in Dialogue. The Letters and *Diagrammata* of Macedonian Kings to Local Communities. In: P. Ceccarelli, L. Doering, T. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities. Studies in the Socio-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 121–146.
- Mari, M. 2019: At the Roots of a Revolution. Land Ownership, Citizenship and Military Service in Macedonia before and after Philip II. In: Z. Archibald, J. Haywood (eds.), *The Power of Individual and Community in Ancient Athens and Beyond. Essays in Honour of John K. Davies*. Swansea, 213–239.
- Martín González, E., Paschidis, P. 2020: *A Supplement to Επιγραφές Άνω Μακεδονίας*. Athens.
- Oetjen, R. 2010: Antigonid Cleruchs in Thessaly and Greece: Philip V and Larisa. In: G. Reger, F.X. Ryan, T.F. Winters (eds.), *Studies in Greek Epigraphy and History in Honor of Stephen V. Tracy*, 237–254.
- Oetjen, R. 2014: *Athen im dritten Jahrhundert v. Chr. Politik und Gesellschaft in den Garnisonsskemen auf der Grundlage der inschriftlichen Überlieferung*. Duisburg.
- Olshausen, E. 1974: *Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten I*. Louvain.
- Papazoglou, F. 1997: *Laoi et paroikoi. Recherches sur la structure de la société hellénistique*. Beograd.
- Papazoglou, F. 2000: Polis et souveraineté. *Živa antika* 50, 169–176.
- Paschidis, P. 2006: The Interpenetration of Civic Elites and Court Elite in Macedonia. In: A.M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (eds.), *Rois, cités, nécropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine*. Athènes, 251–267.
- Paschidis, P. 2008: *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC)*. Athens.
- Petrakos, B. 2003 (2004): *Το Έργον της Αρχαιολογικής Εταιρείας* 50. Αθήναι.
- Raynor, B. 2016: Theorodokoi, Asyilia, and the Macedonian Cities. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 56, 225–262.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Scherberich, K. 2009: *Koinè Symmachia: Untersuchungen zum Hellenenbund Antigonos' III. Doson und Philipps V. (224–197 v. Chr.)*. Stuttgart.
- Scherberich, K. 2012: Philipp V. und der «demographische Notstand» in Thessalien. In: L.-M. Günther (ed.), *Migration und Bürgerrecht in der hellenistischen Welt*. Wiesbaden, 97–105.

- Sosin, J.D. 2009: Magnesian Inviolability. *Transactions of the American Philological Association* 139, 369–410.
- Stamatopoulou, M. 2018: Demetrias: The Archaeology of a Cosmopolitan Macedonian Harbour. In: M. Kalaitzi, P. Paschidis, C. Antonetti, A.-M. Guimier-Sorbets (eds.), *Βορειοελλαδικά. Tales from the Lands of the Ethne. Essays in honour of Miltiades B. Hatzopoulos*. Athens, 343–376.
- Thompson, W.E. 1971: Philip V and the Islanders. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 102, 615–620.
- Tziafalias, A., Helly, B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhèbie. *Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn. Studi ellenistici* 24, 71–125.
- Waterfield, R. 2021: *The Making of a King. Antigonus Gonatas of Macedon and the Greeks*. Chicago.
- Worthington, I. 2021: *Athens after Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian*. New York.

CITIZENS OF POLEIS, SUBJECTS AND ALLIES OF THE KINGS:
NOTES ON MACEDONIA UNDER THE ANTIGONIDS
AND ON THEIR EMPIRE

Yuri N. Kuzmin

Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia

E-mail: yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Abstract. The article deals with the nature of the Antigonid empire (from the end of 270s BC through 168 BC) and the status of the «Macedonians» (citizens of the Macedonian poleis and other administrative structures in the Macedonian kingdom proper), citizens of the Thessalian cities that were part of the Antigonid empire, citizens of the Greek poleis, who had in different times the ‘allied’ status (Corinth, Athens, Chalcis, Eretria, Caunus, etc.). In addition, decrees of a number of both the Macedonian poleis and the Greek ones allied to the Antigonids concerning the *asylia* (sacred inviolability) of several Greek sanctuaries (the Koan Asklepieion, the temple of Artemis Leukophryene in Magnesia-on-Meander, etc.) are also analyzed. These decrees may testify to a perception abroad of these poleis as subjects of interstate relations in the religious and cultural spheres. Some more particular topics are concerned as well.

Keywords: Macedonia, the Antigonid empire, Thessaly, Corinth, Athens, Euboea, Caria, citizens, subjects, *asylia*
